

Эфендиев А.Ш. ПРИРОДА ЯЗЫКОВОЙ РЕДУПЛИКАЦИИ

Слова с повторяющимися слогами или более сложные удвоения носят часто конвергентные признаки и в разном количестве имеются во всех языках мира. Значительное место они занимают в неевропейских языках. Изучению этого явления – редупликации – посвящены многие работы, но исследования в большинстве из них проводятся на основе традиционных схем и сводятся к простой инвентаризации редупликативных слов, иногда с указанием года появления слова в словаре.

К редупликациям обращаются также и авторы исследований в области детской речи и в области ономастопеи, поскольку в европейских языках большинство образований этого рода либо являются «детскими словами», либо носят звукоподражательный характер, во всяком случае, генетически восходят к одному из этих источников. А так как детская речь изучена мало, то исследование редупликативных форм может пролить свет на эту проблему. Известно, что дети всех народов начинают говорить, употребляя моно- и бисиллабические формы. А любое явление, общее для всех или нескольких языков, должно иметь место на предшествующей, общей стадии их развития – в языке-родоначальнике. Явление редупликации свойственно всем языкам мира, следовательно, можно говорить о том, что оно должно было наблюдаться и на ранней стадии развития языка, где в рудиментарных словоформах конвергенция проявляется четче.

Люди давно задумываются над вопросом: когда и как появился язык? Каким он был на первых ступенях развития? Наука не может ответить каким именно «набором» звуков и слов или высказываний располагал первый язык человечества. Конкретный облик первых конкретных языков, возникших в разных точках Земли, пока мы не можем представить. Думать о том, что все это будет известно вскоре, нет оснований. Но в проблеме происхождения речи наука может установить, когда и в каких условиях должна была появиться и появилась речь и какими были наиболее конвергентные признаки или черты первого языка людей.

Исследование редупликаций в детской речи может дать ценный материал для некоторых выводов по проблемам детской речи, по проблеме возникновения речи вообще. У двухлетних и трехлетних детей такое сильное чутье языка, что многие создаваемые ими слова кажутся меткими, изящными, естественными. Ребенок порой самостоятельно приходит к тем формам, которые создавались народами в течение веков. Свои языковые и мыслительные навыки ребенок приобретает лишь в общении с другими людьми. Только это общение и делает его человеком, то есть существом думающим и говорящим. «Невольно удивляетесь чутью, с которым ребенок подметил необычайно тонкое различие между двумя словами, по-видимому, очень сходными... Могло ли бы это быть, если бы ребенок, усваивая родной язык, не усваивал той творческой силы, которая дала народу возможность создать язык?» [1, с.22]. Поистине, ребенок – величайший умственный труженик нашей планеты, который, к счастью, даже не подозревает об этом. Неустанно вникая в структуру всякого сложного слова, дети часто воскрешают в своей речи то далекое прошлое, когда еще не наблюдалось такого сращения служебных частиц и корней: от детского «лепости» (нелепости) так и тянет стариной, когда лепым называлось ладное, гармоничное, стройное. Другое старинное слово можно услышать от детей в ответ на «Нельзя!» – «Нет, лязя!». И это «лязя» напоминает Державина: «Лязя ли розой не назвать?».

Ребенок учится языку у народа. Если бы речь и мышление детей не были насыщены общенародными нормами языка, мы никогда не могли бы наблюдать особенности детского словотворчества, которые заключаются в том, что очень разные дети, отдаленные друг от друга большими пространствами, из поколения в поколение самостоятельно создают одни и те же слова. Таких фактов множество, и, конечно, они никогда не имели бы места, если бы в своем словотворчестве дети не опирались на одни и те же законы развития языка, неизбежно установленные каждым народом.

Конвергентные признаки изосиллабических конструкций характерны для многих языков мира. Немецкий исследователь Г. Зухир, описывая особенности южнофранцузского варианта французского языка, отмечает высокую частотность редупликативных форм и относит их к детской речи: *bibi (bouche), chouchou (choux), fifi (fils), dada, dodo (dormir), gaga (gateau), jojo (joli), joujou (jouer), lolo (lait) nounou (nourice), tata, titit (petit)* [2, с.833]. То же мы слышим в детской речи крымских татар: *биби (бала – ребенок), мими (эмчек – сосок, грудь кормящей женщины), мамам (ашамакь – кушать)* и др. Обращает на себя внимание своеобразное движение назад, то есть от «совершенных» форм (*joli*) к «несовершенным» (*jojo*). Очевидно, данное явление нельзя отнести к специфике детского языка. Можно предположить, что этот феномен относится к очень раннему периоду развития речи.

Ребенок часто воскрешает старинные слова, которые умерли много веков назад (лязя, вежа, чайнно, лепо) лишь потому, что ему неизвестна неразрывная связь, спайка с частицей «не», установившаяся в данной традиции. Он вообще не знает никаких исключений из общего правила, и, если эти исключения относятся к позднейшей эпохе, то, игнорируя их, он тем самым возвращает словам их забытый смысл, возвращает язык к его истокам.

Известно, что человек до появления на свет проходит все стадии развития, начиная с самых простейших форм, зародившихся многие века назад, повторяя эволюцию всего живого. Онтогенез повторяет филогенез. Каждый определенный период этого развития соответствует определенным периодам развития человека, начиная с самых ранних. Ребенок начинает говорить, употребляя

редупликативные слова, простейшие бисиллабические формы, повторяя один и тот же слог несколько раз. Это тот самый период, когда кора головного мозга находится еще в одной из самых ранних стадий развития, т.е. в той стадии, которая соответствует ранней стадии развития человека. Следовательно, можно предположить, что именно в этот период возникла речь. К такому же выводу пришел американский исследователь Ю. Линден [3, с.44]. «Детские» слова только на первый взгляд кажутся такими простыми. Они представляют большой интерес для науки. В этом плане нам близка точка зрения А.А. Потебни, который считал, что «категории нашего языка тесно связаны с нашей мыслью, мы их мыслим и произносим такие слова, как *vava* и др. Слова эти в наших устах выходят сложными результатами мысли и поэтому это не детские слова. Практически воротиться к первым ступеням развития мы уже не можем, но, наблюдая за первыми детскими попытками сознательного мышления, присутствуем тем самым при зарождении языка, при самостоятельном создании слов, которые, хотя в наше время почти никогда не приходят в язык взрослых, да и самими детьми весьма скоро забываются, но дают возможность заключать о явлениях первобытного языка народов» [1, с.22].

Средства, формы выражения различных значений в языках неодинаковы, но практически во всех языках (даже мертвых) наряду с другими аналитическими способами формообразования применяется способ удвоения – редупликация. Аналитический способ образования формы слова посредством повтора нашел широкое распространение в хамитских, тюркских, полинезийских, индонезийских, угро-финских, монгольских, кавказских языках, во многих языках Африки, в маньчжурском, корейском и ряде других языков. Например, в индонезийских языках посредством повтора имен прилагательных выражается интенсивное значение: *sana-sanana* (очень спокойный), в маньчжурском языке при помощи удвоения образуется множественное число: *чжалан-чжалан* (поколения). В крымскотатарском языке повтор части слова в именах прилагательных и наречиях выражает интенсивность признака: *бем-бемиз* (белоснежный), *сан-сары* (очень желтый), *тер-темиз* (очень чистый, чисто-чисто) и т.д.

Некоторые племена Африки используют изосиллабический повтор для обозначения множественного числа, называя ту или иную вещь два-три раза. При счете, например, в языке малинке (Центральная Африка: Гвинея, Мали и др.) повтор играет большую роль: *lolou-lolou* (двадцать пять), *tan-tan* (пятьдесят). Подобным образом множественное число образуется и в языке хауса (на севере Нигерии и на юге Республики Нигер в так называемых чадских языках). Редупликация может быть разной по объему. Так, например, удвоение глагольных форм передает значение длительности, нарастания действия. В языке индейцев фокс находим такие конструкции:

[*wa : pam : wa*] он смотрит на него,
[*wa : - wa : pam : wa*] он осматривает его,
[*wa : pa-wa : pam : wa*] он продолжает смотреть.

По мнению Л. Блумфильда, «конструкции сложных слов, а в известной мере и слов, производных от словосочетаний, занимают промежуточное положение между синтаксисом и морфологией» [4, с.194]. В морфологии нет ничего, чего бы ранее не было в синтаксисе. Исходя из этого, гипотетически можно сделать вывод, что редупликативные формы являются своеобразным переходом от синтаксиса к морфологии, другими словами от ранних дивергентных синтаксических форм к более поздним конвергентным морфологическим рудиментарным формам. Посредством удвоения имен прилагательных, наречий, существительных, местоимений образуются сложные формы слова, которые служат для усиления количественно-качественного признака редуплицированного слова. Вместе с тем, удвоенное прилагательное может служить средством обозначения ослабленного признака. Использование удвоения в качестве определенного приема, служащего для придания слову эмоциональной окраски, получило широкое распространение во многих языках мира. Подробно это явление исследует Л. Брюно в своей книге «*La muzāwaja dans les dialectes citadins du Maroc*», объясняя различное использование редупликативных форм в каждом случае [5]. Автор утверждает, что эти слова употребляются для стилистического эффекта, в большинстве случаев для того, чтобы придать повествованию больше экспрессивности. Л. Брюно обращает внимание на то, что второе слово в арабских словосочетаниях, являясь синонимом, антонимом или просто «словом-эхо», как правило, обогащает смысл первого слова и делает все словосочетание более ярким, запоминающимся. Однако общий смысл заключен в первом слове, оно главное. Повтор усиливает семантику начального слова и акцентирует внимание на нем. Эти словосочетания автор называет «*tandem*». В марокканских диалектах есть группа «*тандемов*», где слова имеют общий корень, но иногда разные грамматические формы. Слова этой группы и представляют для нас наибольший интерес (транскрипция арабских слов дана в соответствии с транскрипцией Institut des Hautes Etudes Marocaines):

ait w-ait – множественное число слова «сын», употребляется в значении «люди»;

hbo-dbo – «с трудом передвигаться при ходьбе» (о стариках, больных, детях, начинающих ходить); эта пара слов в арабском произношении своим ритмом напоминает подобный способ передвижения.

Встречаются также и совпадающие редупликации французского и арабского языков: *gaya-nihaya – le fin du fin, la perfection*. Оба арабских слова в классическом языке могут употребляться отдельно. Следующий тандем обозначает крайний предел: *hzz-dzz – tralala*. Первое слово обозначает в марокканском диалекте «*agitation tarageuse*», второе своего значения не имеет, но приближается к значению первого.

Одной из удивительных способностей диалектов является способность сохранять в неприкосновенности на протяжении многих веков самые архаичные черты, которые по большей части

были утрачены литературным языком. Эта архаичность относится и к словообразовательной, и к семантической стороне языка. Вот почему материал диалектов, позволяющий вскрыть наиболее древние слои в истории слова, играет столь значительную роль в лингвистических исследованиях, в том числе в исследованиях, посвященных проблемам возникновения речи. В работе Л. Брюно приводятся изосиллабические слова нефранцузского происхождения, вошедшие в региональный французский язык Северной Африки. Число их невелико, но при рассмотрении эволюции повтора можно предполагать, что они находились на самых низших ступенях развития речи.

Гипотетически можно сказать, что изосиллабические конструкции явились началом образования застывших лексических повторов (конвергентные признаки словообразования, конвергенция рудиментарных изосиллабических форм) в области синтаксиса разносистемных языков:

французский язык: *de temps en temps, les mille et mille*;

испанский язык: *chiz, chiz; Hala! Ala!*;

итальянский язык: *cosi-cosi*;

английский язык: *piece by piece, word for word*;

немецкий язык: *vom Herzen zum Herzen*;

чешский язык: *scit na scit, od mista k mistu*,

русский язык: *бок о бок, шаг за шагом, час от часу*;

арабский язык: *gaya-nihaya*;

турецкий язык: *deste-deste, adim-adim*;

крымскотатарский язык: *куньден-куньге, аздан-азгъа, яваш-яваш, йылдан-йылгъа, сыра-сыра, чокътан-чокъ*.

Подобные явления присущи всем языкам мира, но косвенные падежи с предлогом появились позднее. Первоначально было, очевидно, простое удвоение именительного и винительного падежей:

французский язык: *mille mille – les mille et mille* (ср. позднее: *les milliers, par milliers*);

русский язык: *день день – день ото дня*.

Эти синтаксические явления очень древние и в предложении относительно автономны. И, наконец, морфологическое обозначение множественного числа: *les mille et mille, ait w-ait, biriri* и т.д.

Основываясь на подобном материале, можно прийти к выводу, что в основе категории множественного числа лежал изосиллабический повтор.

Наличие большого числа редупликативных форм объясняется своеобразным характером языка, в котором эти конструкции служат для выражения определенных грамматических значений, заключающих в себе понятия множественности, обобщенности, неопределенной совокупности и др. Существует точка зрения, что парные сочетания представляют собой определенный этап в развитии способа удвоения. Видимо, на этом основании профессор Н.К. Дмитриев выдвинул тезис о том, что парные сочетания встречаются там, где «развита система повторений как морфологический фактор» [6, с.501].

Этот тезис подтверждается исследованиями тюркских языков. Редупликативные слова и целые парные сочетания существуют и употребляются во всех тюркских языках и диалектах. Например, в узбекском языке, по данным З.Б. Уринбаева, «активно употребляется 131 слово, в общем словаре зафиксировано 120» [7, с.8]. Они выполняют ряд синтаксических функций и принимают различные аффиксы (множественного числа, падежей, принадлежности), обнаруживают способность к переходу из одной лексико-грамматической категории в другую.

По данным Аганина [8], в современном турецком языке широкое распространение имеет трансформированный повтор – очень продуктивный тип редупликации. Его сущность заключается в том, что дуплет, отзвук, представляющий собой фонетически измененный вариант первого компонента, располагается за основным словом. В силу особенностей образования этого повтора «слово-эхо» будет представлять собой почти полное фонетическое тождество: *tangir-mingir* – звукоподражание звону.

В современном турецком языке удвоение слова выступает в качестве одного из продуктивных способов аналитического словообразования. При помощи повторных конструкций образуются преимущественно наречия:

а) времени: *vakit vakit* (время от времени, изредка), *devir devir* (периодически);

б) места: *yer yer* (местами, кое-где);

в) образа действия: *adim adim* (шаг за шагом), *usul usul* (осторожно).

Подобным же образом обозначается единица приблизительного счета *deste deste* (связками), *cuval cuval* (мешками), *avuc avuc* (горстями).

Переход имен существительных в наречия связан с потерей значения предметности, что в свою очередь ведет к утрате характерных для имени существительного морфологических признаков: грамматической категории числа, падежа, принадлежности. Отмечается также тенденция перехода некоторых имен прилагательных в удвоенной форме в разряд слов со значением наречия: от *uysal* (послушный, согласный) – к *uysal uysal* (послушно), от *gevrek* (хрупкий) – к *gevrek gevrek* (хрупко).

Из этого краткого обзора редупликативных форм в турецком языке видно, что и в этом языке изосиллабический повтор изначально лежал в основе категории множественного числа, понятий интенсивности значений, обобщенности, принадлежности и т.д.

Используя фактический материал различных языков, можно показать и в какой-то степени объяснить конвергентность многих языковых явлений, в частности редупликации, ее эволюцию. Эта эволюция

может быть представлена следующей схемой: **моносиллабические (односложные) конструкции:**

французский язык: *ta, da, chou, na*;

испанский язык: *ba, co, cha, ma, na*;

итальянский язык: *ma, ba, no, ta*;

турецкий язык: *bak, but, dum*;

арабский язык: *ab, am*;

бисиллабические (двусложные) конструкции:

французский язык: *taman, dada, chouchou, nana*;

испанский язык: *baba, coco, chacha, mama, nana*;

итальянский язык: *mamma, baba, nonno, tata*;

турецкие языки: *zorzor, adad*; *баба, деде, тата*;

арабский язык: *hbo-dbo, hil-mil*;

редупликативные формы:

французский язык: *tête à tête, bric-à-brac, ric-à-rac, méli-mélo*;

испанский язык: *beberron, cacatua, titiritaina*;

итальянский язык: *mimica, pappatore, zig-zag, teterrimo*;

турецкие языки: *badi-badi, sabi-sabi*;

арабский язык: *ait w-ait, kll u-mll*;

застывшие лексические повторы:

французский язык: *de jour en jour, de porte en porte, de temps en temps; bon gré, mal gré*;

испанский язык: *chiz, chiz; Hala! Ala!; Oste! Moste!*;

итальянский язык: *cosi-cosi*;

турецкие языки: *vakit vakit, adim adim, kol kola, deste deste*;

арабский язык: *gaya-nihaya, hzz-dzz, hll t-jlle t*.

К последней группе можно отнести также рудиментарные формы языка французского Юга – *un jour oui, un jour non* (работать через день); арабского языка – *ma-tma* (моргать: *ma* – глаза открыты, *tma* – глаза закрыты); русского языка – *одна нога здесь другая нога там* (быстро отнести).

Некоторые исследователи рассматривают систему языка как совокупность разновременных наслоений. «Прежде созданное в языке двояко служит основанием новому: частью оно перестраивается заново при других условиях и по другому началу, частью же переменяет свой вид и значение... Согласно с этим поверхность языка всегда более-менее пестреет оставшимися наружи образцами разнохарактерных пластов» [9, с.559].

Теперь, если за «поверхность языка» принять различные диалекты, народный язык, детскую речь, где так много редупликативных форм, есть основания утверждать, что именно эти формы были одними из тех ранних «пластов», с которых начинались многие современные и древние языки. Редупликативные формы встречаются даже в загадочном языке этрусков, до сих пор не расшифрованном. Изучая литературные памятники древних эпох и сравнивая различные современные языки и диалекты, можно обнаружить множество конвергентных признаков, что может быть объяснено только их историческими связями в прошлом.

Обобщая все сказанное, можно сделать следующие выводы:

- 1) Редупликативные образования различных типов существуют в настоящее время в языках как процесс дивергенции-конвергенции рудиментарного синтаксиса:
  - a) самостоятельные номинативные лексические единицы;
  - b) стилевые синонимы слов литературной нормы, принадлежащие к различным стилям речи (разговорному, народному языку, аргю, детской речи);
  - c) экспрессивные и эмоциональные слова;
  - d) основа категории множественного числа, основа понятия длительности, нарастания действия.
- 2) Эволюция редупликаций показывает, что эти формы были переходными между синтаксисом и морфологией.
- 3) Проблема развития языков неразрывно связана с проблемой их неуклонного исторического совершенствования. В различных языках наблюдается неравное количество редупликативных форм. Как правило, их больше в языках тех народов, которые находятся еще на очень низкой ступени общественного развития (полинезийские, африканские племена, американские индейцы, австралийские аборигены и др.). Следует строго различать полное равенство всех естественных языков по их природе и неодинаковый уровень их развития, в зависимости от того, в каких социально-исторических условиях находятся те или иные языки – это дает право говорить о языках более или менее развитых. Сравнительный метод дает возможность провести анализ явлений, присущих очень многим языкам. Более глубокое исследование, например, явления редупликации поможет в решении вопроса о происхождении речи, о психолингвистической природе конвергенции рассмотренных явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М.: Русский язык, 1968. – 184 с.

2. Suchier H. Die Franzosische und provenzalische Sprache. – Strasbourg, Hochschule, 1906. – 1380 s.
3. Линден Ю. Обезьяны, человек и язык. – М.: Мир, 1981. – 68 с.
4. Блумфильд Л. Язык. – М.: Изд-во АН СССР, 1968. – 424 с.
5. Brunot L. La muzawaja dans les dialectes citadins du Maroc. – Damas, Lukas, 1956. – 568 p.
6. Дмитриев Н.К. О парных словосочетаниях в башкирском языке. – М.: Изд-во АН СССР, VII сер., отд. гуман. наук, 1930. – 610 с.
7. Уринбаев З.Б. О структурно-типологической характеристике некоторых типов редупликации узбекского языка и их соответствия во французском // Труды Самаркандского университета. Вып. 271. – Самарканд, 1974. – 76 с.
8. Аганин Р.А. Повторы и однородные сочетания в современном турецком языке. – М.: Высшая школа, 1959. – 172 с.
9. Ушинский К.Д. Родное слово: Собр. соч. Т. II. – М.: Учпедгиз, 1948. – 576 с.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена исследованию редупликации в разных языках как явления, имеющего общий механизм словообразования. Гипотетически авторы относят феномен к истокам речи многих народов на многих континентах. Эта малоисследованная проблема, и поэтому статья имеет цель привлечь научные круги к полемическому обсуждению данного вопроса.

SUMMARY

The article deals with the research of reduplication in different languages as phenomena having common word-building mechanism. Hypothetically, the authors refer this phenomena to the source of speech of many nations living on different continents. This problem is less-known, therefore the article's aim is to attract the scientific circles to polemic discussion of the problem.

УДК 4И(фр)

Стаття присвячена дослідженню редуплікації в різних мовах як явище, що має загальний механізм словотворення. Гіпотетичні автори відносять феномен до джерел мови багатьох народів на різних континентах. Ця проблема малодосліджена, і тому стаття має на меті залучення наукових кіл до полемічного обговорення цього питання.